
ЧЁРНЫЙ ХОР
А.М. СУНГУРСКИЙ
18+
18+

А.М. Сунгурский

Чёрный хор

«Автор»
2026

Сунгурский А.

Чёрный хор / А. Сунгурский — «Автор», 2026

Дирижёр Денис Ладыгин готовит концерт по найденным старым нотам. Восемь певцов, арендованная комната, несколько репетиций — и шанс наконец представить работу, которую запомнят. В старой записи голоса заканчиваются порознь. Денис сводит их в один красивый финал.После первого исполнения он произносит чужую фразу чужим голосом. Один из певцов теряет речь. В местах, где никто не поёт, возникает влажная плоть, которая учится слушать и отвечать. Попытка вернуть украденное оборачивается настоящей раной.Денис ищет объяснение в чужих тетрадях, а люди, доверившиеся ему, больше не согласны проверять догадки на себе. То, что они создали вместе, уже умеет обходиться без репетиции.

© Сунгурский А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Общий вдох 5
Глава 2. После звука 11
Глава 3. Своя кухня 17
Глава 4. Светлая тетрадь 23
Глава 5. Олег Мерцалов 29
Глава 6. Чистый звук 34
Глава 7. Без репетиции 38
Конец ознакомительного фрагмента. 40

А.М. Сунгурский
Чёрный хор

Глава 1. Общий вдох

Денис зачеркнул последнюю паузу за десять минут до прихода певцов.

Вчера она казалась необходимой. После высокого, почти неслышного звука должны были один за другим замолчать тенора, затем альты, потом остальные; в конце оставался второй бас, которому предлагалось держать свою ноту столько, сколько хватит дыхания. Денис попробовал это дома. Получилось так, словно люди постепенно утрачивали интерес к тому, что делали вместе. Сегодня, поднявшись в арендованную комнату и услышав, как долго здесь отзывается простой хлопок, он понял, что конец должен быть другим.

Наталья, администратор «Круга», уже распечатала девять экземпляров нового окончания. Теперь он переносил изменение в свой рабочий экземпляр: провёл карандашом поперёк пустого такта, поставил общую черту, добавил снятие. Поднял голову — в дверях стояла Майя.

— Ты уже закончил или опять начал?

— А если и то и другое?

Она вошла боком, придерживая плечом дверь. В одной руке несла сумку, в другой — небольшой пакет с обувью. На тёмном пальто блестели капли, у левого кармана прилипло светлое перо. Денис заметил его и почему-то не сказал.

— Тогда мне пока не разуваться, — ответила она.

— Тут тепло.

— Я про готовность произведения.

Денис улыбнулся и освободил стул. Майя поставила сумку, достала туфли. Одну проверила ладонью изнутри, прежде чем надеть. Он помнил это движение ещё по прежним репетициям: однажды в туфлю попала канцелярская скрепка, и с тех пор Майя не доверяла обуви, побывавшей в сумке рядом с нотами.

Комната была длинной, с четырьмя окнами на одной стене. Внизу, на первом этаже, кто-то учился танцевать: до них доходили глухие удары, не складывавшиеся в музыку. Наталья, которая распоряжалась помещениями, уверяла, что к семи танцы закончатся. На стене возле пианино оставался белый прямоугольник от снятого объявления. Остальные стены были выкрашены в сероватый цвет, и прямоугольник выглядел слишком чистым для этой комнаты.

Майя открыла инструмент, сыграла несколько созвучий, прислушалась к верхнему регистру.

— На крайнюю правую не рассчитывай.

— Нам не понадобится.

— Хорошо. Ей тоже сегодня не хочется.

Она сняла часы и положила в карман сумки. На запястье осталась розовая полоска. Денис смотрел, как она раскладывает ноты, достаёт карандаш, подвигает стул, и понемногу успокаивался. За последние годы ему слишком часто приходилось начинать с объяснений, зачем нужны деньги, помещение и ещё один человек. Майя пришла, села и была готова играть. Пока этого хватало.

— Финал покажи, — сказала она.

Он протянул последние листы. Свежая бумага отличалась от серых копий старой тетради, и Денису нравилось это различие. Он не собирался делать вид, будто нашёл законченное сочинение. На титуле стояло: «По рукописным материалам В. Нелина. Редакция и завершение

Дениса Ладыгина». Он дважды менял размер своей фамилии и в конце вернул первоначальный.

Майя положила листы над клавиатурой.

— Ты свёл окончания.

— Да.

— Вчера ещё отпускал их по одному.

— Вчера мы не слышали комнату.

Она нажала две клавиши, дождалась, пока звук истончится, затем посмотрела на него.

— Комната пока ничего не возразила.

— Майя.

— Я спрашиваю. Ты же для этого меня позвал, а не потому, что я твой почерк разбираю.

Он сел на край стола. Пружина в его папке щёлкнула, отпустив верхние листы; Денис прижал их ладонью.

— У Нелина восемь отдельных уходов. Ты видела. Как будто он писал для людей, которые вообще не собираются слушать друг друга. Мне надо, чтобы в последний момент стало слышно целое.

— Тогда раздай новое всем. Не объясняй с рук в последний час.

— Уже напечатал.

Она кивнула и снова посмотрела в ноты. Денис принял это за согласие.

В коридоре заговорили. Первый мужской голос был громким и весёлым; второй ответил тише. Женщина засмеялась. Денис поднялся, вытер карандашную пыль с пальцев о бумажную салфетку и пошёл открывать.

Лев Снегирёв держал перед собой телефон, показывая двум людям снимок. Денис узнал Котовых — Тасю и Павла. Они пели с ним однажды, на чужом юбилее, где после третьего номера выключили свет и продолжили ужинать при фонариках. Павел тогда до конца вечера держал лампу над клавишами, а Тася, спев своё, ушла помогать искать свечи и вернулась с куском торта.

— Мы вовремя? — спросила она.

— Вы первые.

— Я первый, — уточнил Лев. — Они меня у лестницы догнали.

Павел посмотрел на его телефон.

— Ты стоял и снимал дверь. Тебя трудно было не догнать.

— Это для истории.

— История разрешила? — спросила Тася у Дениса.

Он не сразу понял, что она спрашивает серьёзно. Лев уже опускал телефон.

— Общую запись сделаем. Рабочую, для себя. Публиковать пока ничего не будем, — сказал Денис. — Если кто-то против самой записи, скажите сейчас.

— Я не против, — ответила Тася. — Только Павла не снимай, когда он ищет очки. Он становится известным человеком, но не тем, каким хочет.

— Очки у меня.

Павел постучал по нагрудному карману рубашки. Куртку он держал на согнутой руке, а Тасино пальто — на другой. Она забрала пальто, повесила на стойку возле двери и только после этого протянула Денису руку.

Лев прошёл к окнам, оглядел комнату. За стеклом отражались прямоугольные лампы; улицы почти не было видно. Он провёл пальцем по подоконнику, посмотрел на палец и спросил, будут ли здесь же слушатели.

— Внизу малый зал. В субботу, — ответил Денис.

— А сюда почему не пустить? Ближе же.

— Потому что здесь мы работаем.

— Я просто предложил.

Он улыбнулся Майе, назвал себя. Та сказала, что помнит его по записи. Лев заметно обрадовался и стал рассказывать, какой именно это был концерт, хотя она об этом не спрашивала.

Остальные пришли в течение следующих двадцати минут. Валерия Тихова сняла мокрый шарф и первым делом уточнила, будут ли переносы репетиций: в четверг она могла работать только до девяти. Светлана Каплина принесла термос и несколько бумажных стаканчиков; предложила чай, получила отказ, поставила всё на стол подальше от инструмента. Надежда Ракитина долго искала в сумке собственный карандаш и не взяла предложенный Денисом, пока не нашла. Евгений Власов пришёл уже с пометками в партии. Он читал её в автобусе и хотел спросить про два места, но согласился сначала попробовать. Сергей Касаткин появился последним, объяснив опоздание тем, что внизу было две лестницы и ни на одной — названия их ансамбля.

— У нас пока нет названия, — сказал Денис.

— Тогда хотя бы твоё. Мы ведь к тебе идём.

Денис достал маркер, написал на обороте ненужного листа «Ладыгин, второй этаж» и отнёс к входу. Когда вернулся, певцы уже разговаривали без него. Восемь человек, не похожих на готовый коллектив, сидели на разных стульях и решали, кому открыть окно. Тася была за, Лев уверял, что у него моментально садится голос от сквозняка. Сергей предложил Льву пересесть, и вопрос неожиданно разрешился.

Денис прикрыл за собой дверь.

На несколько секунд ему захотелось отложить ноты и просто послушать их. Этих людей ещё ничего не связывало, кроме нескольких договорённостей и надежды на приятную работу. В субботу они должны были выйти к слушателям и сделать так, чтобы никто не догадался, как мало общего у них было в понедельник.

— Начнём? — спросила Майя.

Он подошёл к пианино.

* * *

Сначала всё шло хуже, чем Денис ожидал, и это оказалось почти удовольствием.

Валерия не попадала в место, которое считала простым, сердилась и просила повторить. Павел вступал осторожно, словно не был уверен, что имеет право на такую громкую ноту. Лев, наоборот, старался за двоих, пока Майя не сняла руки с клавиш и не спросила, кто здесь второй тенор. Евгений поднял ладонь.

— Я пока есть.

Лев покраснел.

— Я вас слышу.

— А я себя уже не очень, — ответил Евгений.

Они попробовали снова. На этот раз получилось лучше. Денис почувствовал, как из комнаты исчезает лишнее: чужая одежда на стойке, светящийся экран у Светланы, гул вентиляции. Оставались люди и промежутки между ними, которые можно было менять одним движением руки.

В старых страницах почти не было слов. Несколько открытых гласных, согласные у краёв фраз; кое-где — короткая запись карандашом, сделанная иной рукой. Денис убрал такие пометки из рабочих партий, потому что они мешали читать ноты. В собственной папке оставил. Особенно раздражала фраза возле последнего листа: «Не тянуть вслед». Он долго пытался понять, к какому голосу она относится, но стрелка упиралась в пустое место между двумя системами.

Тася первой спросила, зачем нужно удерживать согласную после того, как остальные уже закончили.

— Чтобы услышать, как расходится звук, — ответил Денис.

— Я слышу, как у меня рот устал.

— Здесь можно легче. Не выжимай.

— Покажи.

Он показал. Она повторила, покачала головой.

— У тебя другое получается.

— Потому что у меня другой голос.

— Вот. Я тоже это заметила.

Майя тихо засмеялась. Денис хотел объяснить ещё раз, но Тася уже нашла движение сама: не такое, как он показывал, немного грубее и короче, зато последующая гласная вышла свободно. Он кивнул. Она посмотрела на Павла, который наблюдал за ней с выражением человека, чья жена опять доказала что-то всем сразу.

Они прошли начало дважды, затем Денис остановил работу. Светлана налила чай себе и Надежде. Лев вышел в коридор говорить по телефону. Евгений подошёл к пианино со своими вопросами, развернул партию перед Майей. Сергей взял со стола Денисову партитуру и остановился на последнем листе.

— Здесь по-другому, — сказал он Денису, когда тот подошёл.

— Это мой конец.

— Я вижу, что печать новая. У меня в файле было не так.

— Я сегодня заменил последний лист. Сейчас раздам.

Сергей придержал страницу пальцем.

— Можно было заранее прислать.

— Я только здесь понял, что надо свести.

— А я только здесь понял, что зря разбирал другое.

Он сказал это без злости. Оттого Денису захотелось оправдаться обстоятельнее, чем следовало. Он начал объяснять, как меняется звучание при общем снятии, но Сергей остановил его.

— Дай лист. Попробуем. Я не с окончанием спорю.

Денис забрал у Сергея партитуру, открыл папку и достал восемь новых листов. Свежая бумага ещё держала лёгкую кривизну от принтера. Он прошёл между стульями, раздавая страницы, и попросил убрать прежние окончания. Павел оставил себе старый лист, чтобы перенести пометки. Денис разрешил и попросил потом убрать его под остальные.

Тася прочитала новое, заглянула мужу через плечо.

— Теперь ты не последний.

— Никогда не был.

— Ты на сборы посмотри.

Павел засмеялся, и Денис подумал, что они, наверное, хорошо живут. Потом Тася отвернулась от мужа чуть быстрее, чем нужно, и он понял, что ничего не знает об их жизни. Ему было удобно представить их благополучными: тогда двоих людей в комнате можно было считать одной надёжной единицей.

В коридоре хлопнула дверь. Вернулся Лев. Он уже не улыбался и убрал телефон в рюкзак так глубоко, будто тот мог сам вылезти. Денис не стал спрашивать. Позвал всех к работе.

Последние страницы они сначала разбирали с пианино. Майя давала начало, помогала услышать переходы, потом замолкала. В тишине после её рук голоса становились обнажённее. Было слышно, как Светлана набирает воздух, как Павел переставляет ногу, как у Льва едва заметно дрожит звук, если он слишком старается держать его ровно.

— Не делайте красиво заранее, — сказал Денис. — Дойдём, там будет понятно.

— Хорошая инструкция, — отозвалась Майя. — Я запишу на будущее.

Он отмахнулся, но сам улыбнулся тоже.

Первый общий конец развалился. Валерия остановилась по прежнему листу, который оставила перед новым. Евгений, услышав её, снял свою ноту раньше. У Надежды получился одинокий длинный звук, и она оборвала его, не дожидаясь Дениса.

— Ничего, — сказал он. — Ещё раз только отсюда.

Певцы перелистнули. Тася устроилась поудобнее, Павел отодвинул стул, чтобы не задеть её локтем. Денис прошёл перед ними, проверяя, у всех ли открыто нужное место. На Павловой странице увидел написанное от руки «не вслед за ней». Очевидно, Павел имел в виду жену. Денис постучал карандашом по общей черте.

— Сейчас все за мной. Последний воздух берём вместе.

Он вернулся к пианино, попросил Майю дать звук и сам пропел окончание на открытом «а». Нота была неудобной для его обычного разговорного регистра. Денис взял её тише, чем собирался, удержал и плавно опустил ладонь.

После его голоса в комнате осталось лёгкое шуршание.

— Вот так. Без толчка в конце.

Евгений поднял голову.

— А если не хватит?

— Раньше вдохните.

— Я спрашиваю про последний звук. У всех разное дыхание.

Денис посмотрел на него, потом на остальные лица. Евгений не возражал ради спора; он хотел знать, как выполнить то, что от него требовали. Ответ должен был быть простым.

— Не держите через силу. Сегодня посмотрим, что получается.

Майя сняла руки с клавиатуры. Денис повернулся к певцам.

Восемь человек смотрели на него. Через минуту каждый должен был вдохнуть там, где он покажет.

* * *

Начало фрагмента прозвучало негромко. Денис не стал поднимать ладонь выше: пусть останется так. Лев перестал выпячивать свою линию, и за ним обнаружился Евгений, мягкий, немного зернистый на нижних нотах. Альты вошли следом. Светлана на секунду опоздала, догнала Валерию, и две верхние партии сомкнулись так точно, что Денис почувствовал холодок у запястий.

Он любил этот миг. Ему всегда казалось, что ради него можно вынести все предыдущие разговоры: об оплате, о времени, о том, почему опять выбран неудобный день. Сейчас никто не спрашивал. Все делали разное, но одно движение проходило через них целиком.

Денис показал вдох.

Певцы взяли его вместе. Он услышал короткий шорох, увидел, как поднялась верхняя пуговица на Павловой рубашке. Сам вдохнул с ними, не намереваясь петь, — так ему было легче провести фразу.

Низкие голоса удерживали основание. Между ними медленно раскрывались остальные. Там, где вчера у него дома всё рассыпалось, возникло неожиданное тесное звучание: не громкое, но такое плотное, что Денису захотелось отступить на шаг. Он остался на месте. Левой рукой немного убрал верхние голоса, правой повёл к окончанию.

Тася смотрела на него поверх нот. Павел перевёл взгляд с листа на его ладонь. Надежда выпрямилась.

Денис сомкнул пальцы.

Все замолчали.

Нота осталась.

В первую секунду он сердито посмотрел на Льва. Рот у того был закрыт. У Евгения тоже. Светлана, напротив, ещё держала губы разомкнутыми, но уже выдыхала без звука. Денис перевёл взгляд на Майю. Она сидела, опустив руки на колени.

Звук не слабел. Он стоял посреди комнаты, чуть правее Дениса, на высоте человеческого лица.

— Кто держит? — спросил Сергей.

Его обычный бас прозвучал отдельно. Оставшаяся нота дрогнула, словно в неё что-то погрузили.

Денис поднял ладонь снова. Показал снятие, более резко. Ему было стыдно за это движение уже в тот момент, когда он его сделал: певцы молчали и смотрели на него.

Тася выронила карандаш.

Он ударился об пол и покатился под её стул. Никто не наклонился.

В воздухе между Денисом и первым рядом проступила влажная складка. Он увидел её не сразу целиком: сначала блеск, затем две бледные поверхности, раздвигавшиеся и смыкавшиеся так быстро, что глаз переставал различать движение. Под ними темнел узкий проход. Снаружи ничего не было — ни шеи, ни головы, ни поддерживающего тела. Только открытая, работающая часть горла, повёрнутая к нему внутренней стороной.

Светлана издала короткий звук и зажала рот.

Павел встал. Стул с грохотом упал назад. Он взял Тасю за плечо, потянул к себе, и на мгновение горло вытянулось в их сторону.

Денис попятился. Край пианино упёрся ему в поясницу.

Нота оборвалась.

Влажная складка сжалась, стала тонкой и исчезла. Последним пропал блеск на её краю. Там, где она только что висела, Денис снова увидел Светланину кофту и белую нитку, прилипшую к рукаву.

Лев выругался, громко и совсем не тем голосом, каким разговаривал прежде.

Из-за двери постучали.

— У вас всё нормально? — спросила Наталья.

Никто не ответил. Павел по-прежнему держал Тасю за плечо. Она смотрела не на пустое место перед собой, а на Дениса, и он вдруг понял: все ждут, что он сейчас назовёт произошедшее. Скажет, что они видели, почему это случилось и можно ли продолжать.

Денис открыл рот.

Он выдыхал, но из горла доносился звук чужого вдоха.

Глава 2. После звука

Наталья открыла дверь со связкой ключей в руке.

Металл звякнул о ручку. Этот маленький звук оказался первым знаком чего-то привычного: за дверью оставались люди, которые сердились на шум и могли прийти узнать, что здесь происходит.

— Что у вас упало?

Она остановилась на пороге. Посмотрела на Павла, на его стул, затем на Дениса. Он прижимал ладонь к шее и не замечал этого, пока Наталья не спросила, может ли он дышать.

Денис кивнул. Попробовал ответить, но испугался повторения звука и только сильнее сжал пальцы.

— Руку убери, — сказала Майя.

Он послушался. Дышать действительно получалось. Воздух входил в грудь, возвращался, он чувствовал его у губ. Ничего чужого больше не было. Денис сделал ещё один вдох, осторожно, почти стыдясь того, как внимательно остальные за ним наблюдают.

— Воды? — спросила Светлана.

Он покачал головой. Светлана всё равно взяла со стола свой стаканчик, подержала и поставила обратно.

Лев подошёл к выключателю. Погасил одну линию потолочных ламп, сразу включил. Посмотрел в угол над дверью.

— Что ты ищешь? — спросила Наталья.

— Проектор. Или… Не знаю. Что-нибудь.

— Здесь нет проектора.

— Я не про ваш.

Он посмотрел на Дениса. Такого взгляда Денис от него ещё не видел. Молодой человек уже не старался понравиться; готов был ударить того, кто решит сейчас улыбнуться и объяснить, что всё получилось прекрасно.

— Я ничего не ставил, — сказал Денис.

Голос прозвучал нормально. Он испытал облегчение прежде, чем успел подумать о смысле слов.

— А что это было? — спросила Валерия.

— Я не знаю.

— Хорошо. Тогда репетиция закончена.

Она наклонилась за сумкой. Не стала дожидаться его согласия. Достала шарф, накинула на шею, но пальцы не слушались, и свободный конец несколько раз соскользнул с плеча.

Наталья прошла в комнату. Павел поднял стул, поставил рядом с Тасей. Та села, хотя он не предлагал. Надежда подобрала карандаш из-под её ног и положила на ближайший край стола.

— Мне кто-нибудь скажет, что произошло? — спросила Наталья.

— Мы видели горло, — ответила Майя.

Она произнесла это негромко, без попытки найти другое слово. Денис посмотрел на неё с благодарностью, но Майя смотрела на Наталью.

— Какое горло?

— Здесь. В воздухе. После того, как они перестали петь.

— Вы имеете в виду изображение?

— Я не знаю, чем оно было.

Сергей подошёл к пустому месту между стульями. Медленно провёл рукой там, где висела влажная складка. Ничего не встретил. Посмотрел вверх, затем присел и заглянул под сиденья.

— Не надо, — сказала Тася.

Он выпрямился.

— Тут ничего.

— Я вижу. Не надо туда лезть.

Евгений держал свою партию обеими руками. Лист заметно дрожал. Он положил его на колени, прижал ладонями.

— Я слышал звук после снятия, — сказал он Наталье. — Не такой, как обычный остаток в комнате. Он держался. Потом появилось это.

— И вы все видели?

Несколько человек ответили одновременно. Валерия уже надела пальто, но осталась у двери. Наталья выслушала обрывки описаний и попросила не говорить всем сразу. Денис поймал себя на желании помочь ей: поднять ладонь, остановить верхние голоса, дать договорить низкому. Вместо этого взял со стола бутылку с водой, отвернул крышку и сделал небольшой глоток.

Обычная прохладная вода. Горло двигалось так, как двигалось всю его жизнь.

— Я слышу, как у меня рот устал, — сказал он.

Слова вышли без предупреждения. Денис почувствовал движение языка, но не выбирал ни его, ни фразы. Голос был Тасин.

Павел повернулся к нему всем телом. Тася встала со стула.

Наталья посмотрела сначала на неё, потом на Дениса. Он держал бутылку у груди и не мог поставить: пальцы словно забыли, как разжаться.

— Ещё раз так сделаешь… — начал Павел.

— Я не делал.

Теперь голос снова принадлежал ему. Денис услышал в нём тонкую истерическую ноту и возненавидел её.

— Я не знаю, как это получилось.

Тася медленно села. Сначала нащупала ладонью спинку, только потом опустилась. Не сводила с него глаз.

Майя подошла к Денису, забрала бутылку. Он позволил ей разжать свои пальцы и поставить воду на стол.

— Наталья, вызывай помощь, — сказала она.

Та уже доставала телефон.

* * *

Ожидание оказалось длиннее самой репетиции, хотя прошло меньше часа.

Наталья сначала говорила по телефону в комнате, потом вышла на лестницу, чтобы не заставлять Дениса слышать своё имя в каждом ответе. Майя осталась возле него. Надежда позвонила домой, объяснила, что задержится, и несколько раз повторила, что с ней самой всё нормально. При этом смотрела на Дениса так, словно ждала, что он поможет ей сказать правду.

Валерия не ушла. Сняла пальто, но шарф оставила. Сидела отдельно от остальных, держа телефон на колене. Денис видел открытый разговор с кем-то и фразу, которую она никак не могла закончить.

Лев предложил проверить запись.

— Ты снимал? — спросил Денис.

— Нет. Ты сказал, общую сделаем.

Денис посмотрел на собственный телефон, лежавший возле партитуры. Он действительно собирался включить запись, но сначала хотел пройти трудные места. В результате они дошли до конца, а он так и не нажал кнопку.

— Я не включил.

Лев уставился на него.

— Вообще?

— Вообще.

— Прекрасно.

Он сел на подоконник, хотя раньше боялся сквозняка. Окно было уже закрыто — Павел закрыл его после прихода Натальи, ничего не спросив. Теперь на стекле отражались все они, сидящие поодиночке в слишком светлой комнате.

Сергей подошёл к Денису с новым последним листом.

— Что ты здесь изменил?

— Окончание. Ты видел.

— Я не про ноты. Что-нибудь ещё было? Текст? Указание?

Денис хотел сказать, что всё перед ним. Вместо этого открыл свою папку и вынул серую копию старой страницы. Показал пометку между системами.

Сергей прочёл: «Не тянуть вслед».

— Это что?

— Не знаю. От руки приписано.

— А ты убрал?

— Из партий. Там много пометок, которые к исполнению не относятся.

— А эта относится?

Денис не ответил. До сегодняшнего вечера вопрос казался ему бессодержательным: человек, который готовит ноты к работе, постоянно решает, что оставить, а что мешает. Теперь Сергей держал в руках лист, и любая попытка объяснить обычную редакторскую работу звучала бы так, словно Денис оправдывает случившееся правом пользоваться карандашом.

— Я считал, что это замечание к одному из голосов, — сказал он. — Не понял, к какому.

— Спросить было не у кого?

— Самого Нелина давно нет. Его дочь передала копии. Она не музыкант.

Сергей перевёл взгляд на партитуру.

— Она жива?

— Да.

— Позвони ей.

— Сейчас?

Сергей посмотрел на него без всякого выражения. Денис достал телефон.

Номер Софьи Викторовны нашёлся не сразу: он сохранил её под фамилией, а искал по имени. Пока водил пальцем по экрану, в комнату вошла Наталья с двумя медиками. Один нёс сумку, второй остановился возле двери, оглядел помещение и спросил, кому стало трудно дышать.

Денис поднял руку.

Звонить пришлось отложить.

Его расспрашивали о том, что он чувствовал, когда это началось, было ли подобное раньше. Он старался отвечать по порядку. Рассказ о горле в воздухе сначала опустил, но Майя стояла рядом и сказала сама. Медик посмотрел на неё, затем снова на Дениса. Не засмеялся, не стал спорить. Попросил пока не говорить всем вместе.

— Сейчас дышите свободно?

— Да.

— Боль есть?

Денис прислушался к себе.

— Нет. Неприятно вот здесь.

Он показал на шею и попытался объяснить, что ощущение похоже на оставшийся после пения звук, хотя никакого звука сейчас не было. Медик уточнил ещё несколько вещей. Денис отвечал. Наталья принесла стул, предложила остальным выйти в коридор, чтобы не стоять вокруг. Почти все вышли. Майя осталась с разрешения Дениса.

Ничего похожего на первую складку не возникло. Его голос не переменился. От этого становилось одновременно легче и мучительнее: всё, что удалось показать, сводилось к испуганному человеку после репетиции.

Поехать на обследование ему предложили без обещания немедленно объяснить происходящее. Денис согласился. Оказалось, что согласиться проще, чем продолжать доказывать, будто он способен сейчас сам во всём разобраться.

Майя помогла сложить бумаги. Ничего не выбросила и не поменяла местами; только прижала верхние листы резинкой, чтобы они не рассыпались в сумке. Денис попытался найти зарядное устройство, хотя точно знал, что оставил его дома.

— Телефон возьми, — сказала она. — Остальное потом.

Он взял телефон.

В коридоре Тася стояла рядом с Павлом и застёгивала пальто. Её шарф застрял под молнией; Павел хотел помочь, но она придержала его руку и справилась сама. Денис остановился перед ними.

— Я не хотел тебя…

Он не нашёл подходящего слова. Передразнить? Напугать? Воспроизвести?

— Я знаю, — сказала Тася.

Павел смотрел иначе, но промолчал.

Евгений попросил Дениса сообщить, что скажут. Светлана сказала, что создаст общий разговор в телефоне: все номера у неё были ещё со времени подготовки. Лев спросил, нужно ли приезжать завтра. Денис посмотрел на него и понял, что молодой человек хочет услышать простое «нет».

— Завтра не собираемся. Пока ничего не поём. Я напишу всем.

— И суббота? — спросила Валерия.

— Отменяем.

Наталья кивнула. Она уже приняла то же решение, но позволила ему произнести его самому.

— За сегодняшний вечер я всем переведу, как договорились, — добавил Денис.

Никто не сказал, что деньги теперь не важны. Это почему-то помогло.

* * *

В больничном коридоре Майя сняла пальто и положила на соседнее сиденье. Она приехала следом на такси. Денис несколько раз предложил ей ехать домой, но на третий она спросила, не нужно ли ему побыть одному. Он ответил, что нет, и больше не предлагал.

На стене висела цветная памятка. Он перечитал первый абзац, не поняв ни слова, затем отвёл глаза. Напротив сидел мужчина в домашних брюках и держал на коленях пакет с тапочками. Рядом с ним женщина говорила по телефону, объясняя кому-то, где лежит запасной ключ. По тому, как она повторяла «не в ящике, сверху», было понятно, что дома ищут не там.

Денису хотелось оказаться внутри этого разговора. Сказать, что он знает, где ключ, сходить за ним, принести, закончить простую работу.

Телефон завибрировал. Светлана добавила его в общий разговор. Назвала его «Лаборатория, ноябрь», оставив прежнее рабочее обозначение, и написала: «Пожалуйста, каждый отметьтесь, когда доедете».

Валерия прислала «дома». Надежда — тоже. Лев написал, что ещё едет. От Котовых ответила Тася: «Мы дошли». Сергей ничего не прислал, зато Евгений подробно объяснил, на каком автобусе поехал и почему долго не мог ответить.

Денис набрал сообщение: «Обследуют. Пока без изменений». Прочёл и отправил.

— Ты всё-таки позвонишь этой женщине? — спросила Майя.

Он вспомнил Софью Викторовну. Открыл её номер, посмотрел на часы: без четверти десять. Нажал вызов, пока не придумал ещё одну причину отложить.

Она ответила после нескольких гудков.

— Денис? Вы простите, я телефон в другой комнате оставила.

Он сказал, что звонит поздно и не хотел бы мешать, но ему нужно уточнить кое-что по тетрадям. Голос у него звучал слишком вежливо. Так он разговаривал с людьми, которых собирался просить о неприятном.

— Конечно. Вы уже начали?

— Сегодня.

— И как?

Он посмотрел на Майю. Она не подсказывала.

— Произошло кое-что странное. Я хотел спросить: ваш отец работал с этим хором? С этими партиями?

— Я не знаю, Денис. Я же вам говорила: у него было много чужого. Он переписывал, собирал. На некоторых страницах даже почерк другой.

— Да, я помню. А исполнители? Кто-нибудь приходил к нему, пел?

Она некоторое время молчала. Денис слышал негромкое шуршание, словно Софья Викторовна переставляла телефон к другому уху.

— Приходили. Но я маленькая была. Вы о каком времени спрашиваете?

У него не было ответа. На первых листах стояла только фамилия Нелина, даты в копиях не оказалось.

— Об этих тетрадях. Светлая обложка, угол перевязан ниткой. Я забрал копии весной.

— Оригиналы у меня. Я могу посмотреть завтра.

— Посмотрите, пожалуйста. И ещё… Там пометка: «Не тянуть вслед». Вы не знаете, что это могло значить?

— Нет.

Она ответила сразу. Денис ждал продолжения, но его не было.

— А что у вас случилось? — спросила Софья Викторовна.

Он рассказал о звуке, который остался после окончания. О том, что несколько человек увидели нечто похожее на часть горла. Слово «несколько» выговорилось легче, чем «все», хотя было менее точным. Денис поправился. Сказал, что видели все, кто сидел в комнате.

На другом конце стало тихо.

— Софья Викторовна?

— Я слышу.

— Вы что-нибудь об этом знаете?

— Нет, — сказала она. — Я не знаю, что вы увидели.

Теперь ответ прозвучал иначе. Денис выпрямился, но женщина заговорила раньше, чем он успел спросить снова:

— Приезжайте завтра. Лучше с кем-нибудь. Я достану всё, что осталось от этих бумаг. Только, пожалуйста, не звоните мне ночью с записью. Я ночью одна.

— У нас нет записи.

— Хорошо.

Он хотел уточнить, почему она сказала именно так, но из двери позвали его фамилию. Денис ответил, что идёт, попросил Софью Викторовну назвать удобное время и записал его в телефон. На следующий день, к одиннадцати.

Майя встала вместе с ним.

— Она знает? — спросила тихо.

— Не знаю.

— Я с тобой поеду.

Он кивнул и убрал телефон.

Когда Денис подошёл к двери кабинета, из коридора его окликнули:

— Не тянуть вслед.

Он обернулся.

Мужчина с пакетом тапочек смотрел на женщину рядом с собой. Она закончила разговор и убирала телефон. Майя стояла у сидений, держа пальто на сгибе локтя. Больше никто не говорил.

— Что? — спросила она, заметив Денисов взгляд.

Он потрогал губы.

Слова прозвучали его собственным голосом. Но он слышал их со стороны, как будто оставил у сиденья ещё одного себя.

Глава 3. Своя кухня

Дома Павел первым делом включил вытяжку.

Тася стояла в прихожей, не сняв пальто, и слушала этот ровный шум. В квартире пахло вчерашней капустой, влажным полотенцем и чем-то нагретым: Павел утром оставил зарядное устройство в розетке возле чайника. Он всегда забывал вынимать его, хотя сам же объяснял другим, почему не стоит держать провода у воды.

— Ты готовишь? — спросила она.

— Нет.

— Тогда зачем?

Он посмотрел на вытяжку, будто только теперь заметил, что она работает.

— Тихо очень.

Тася расстегнула пальто. Повесила на крючок, промахнулась, подняла с пола. Павел сделал движение из кухни, но она успела сама. Нагнувшись, увидела у шкафа его старые рабочие ботинки, которые они собирались выбросить ещё летом. Один стоял носом к стене, второй лежал на боку. Ей захотелось придать им одинаковое положение. Она выпрямилась, не тронув.

В сумке лежали ноты. Тася отнесла её в маленькую комнату, положила на стул возле окна. Здесь стоял их стол с компьютером, сушилка и коробки с вещами, для которых в этой квартире так и не нашлось другого места. Когда они переехали, Павел обещал сделать полки. Потом она сама попросила подождать: неизвестно было, продлят ли им аренду. Теперь они прожили здесь третий год и научились обходить коробки в темноте.

Сумку Тася оставила закрытой.

В кухне Павел уже достал две тарелки. Поставил между ними кастрюлю, открыл холодильник.

— Будешь?

— Не знаю.

— Я тоже.

Он закрыл холодильник. Несколько секунд они смотрели на пустые тарелки, затем Тася засмеялась. Смех получился коротким и неприятным. Павел вздрогнул.

— Не надо так.

Она замолчала.

— Как?

— Я не про тебя. Просто…

Он не закончил. Тася села, положила ладони на стол. На безымянном пальце кольцо повернулось камнем внутрь; она поправила его и сразу повернула обратно. Ей не хотелось смотреть ни на украшение, ни на руки.

— Я знаю, что ты не про меня, — сказала она. — Но я сейчас вообще не понимаю, как мне можно.

Павел достал из холодильника контейнер, переложил еду в глубокую тарелку и поставил греться. Он всегда так делал, когда разговор становился трудным: находил действие, которое имело понятный конец. Раньше Тася сердилась, что он занят посудой вместо неё. Теперь звук дверцы и нажатой кнопки почти помогал.

— Я думал, он издевается, — сказал Павел.

— Ладыгин?

— Когда заговорил тобой.

— Ты думаешь, он умеет?

— Я не знаю, что он умеет.

Павел стоял к ней спиной. В стекле микроволновки отражалось его лицо, и Тася видела, что он смотрит на неё через это тёмное стекло. Она передвинула стул, чтобы отражение исчезло.

— Я там сидела, Паша. Я слышала. Это было как…

Она попробовала найти сравнение. Как собственная запись, которую кто-то включил без спроса. Как чужой человек, надевший её домашнюю футболку. Всё было слишком маленьким рядом с тем, что она пережила, и слишком похожим на шутку.

— У меня внутри не получилось возразить, — сказала она наконец. — Понимаешь? Он сказал, а я как будто уже сказала это сама.

Павел повернулся. Микроволновка подала сигнал, но он не открыл дверцу.

— Ты могла говорить?

— Не пробовала. Потом могла. Я же ответила ему в коридоре.

Он сел напротив неё.

Тася некоторое время молчала. Потом произнесла своё имя. Сначала целиком, как при знакомстве, затем так, как называл её муж: Тася. Голос был обычный. Немного уставший, с остатком простуды, которая прошла ещё неделю назад. Она прислушалась к последнему слогу.

— Не проверяй, — попросил Павел.

— А что делать?

— Ничего. Просто посидим.

Еда оставалась в микроволновке. Тася почувствовала голод, но попросить достать тарелку было трудно, словно эта просьба означала, что всё закончилось и можно дальше жить по прежнему порядку. Она встала сама, вынула горячую посуду через прихватку. Павел подвинул подставку.

Они поели из одной тарелки, не обсуждая, зачем тогда поставили две. Вытяжка продолжала шуметь.

* * *

Когда пришло первое сообщение Светланы, Тася уже переоделась. Домашняя кофта была мягкой, со свободным воротом. Она выбрала её именно из-за ворота и рассердилась на себя за то, что теперь выбирает одежду таким образом.

Павел сидел в маленькой комнате, перед ним лежали обе последние страницы его партии. Старую он положил слева, новую справа. На столе горела лампа; остальная комната оставалась тёмной.

— Ты что делаешь?

— Смотрю.

— Денис просил пока ничего не петь.

— Я и не пою.

Она остановилась в дверях. Ей не хотелось входить к нотам, но ещё меньше хотелось оставить Павла с ними одного. Тася подошла, наклонилась над его плечом.

На старом листе была его пометка: «не вслед за ней». Тася тронула её пальцем.

— Это про меня?

— Про тебя. В субботу ты на этом месте закончила, а я остановился за тобой. Мне надо было дальше держать.

— Ты дома пел?

Павел поднял голову.

— До репетиции. Разбирал. Ты же тоже разбирала.

Она помнила. В субботу он возился у стола, а она в кухне пыталась пройти свою строку и всё время сбивалась там, где согласная не хотела отпускать следующую гласную. Ничего не

произошло. Тогда они даже поссорились: Павел попросил её петь потише, потому что никак не мог удержаться на своей партии. Она ответила, что на репетиции к ней добавятся ещё шесть человек. Через десять минут они оба перестали заниматься и пошли в магазин.

Сейчас это воспоминание успокаивало больше, чем слова о том, что всё могло показаться.

— Убери пока, — сказала Тася.

Павел посмотрел на два листа.

— Тут просто ноты.

— Я знаю, как выглядят ноты. Убери.

Он сложил страницы, сунул под остальную партию и убрал папку в шкаф. Тася взяла свою сумку со стула и положила рядом с его папкой на нижнюю полку. Дверцу закрыла. Павел не стал комментировать.

Она ответила в общем разговоре: «Мы дошли».

От Дениса долго ничего не было. Тася посмотрела на список людей, потом заметила, что Майи в нём нет. Светлана добавила только исполнителей и руководителя — тех, чьи номера получила для рассылки партий. Тася написала ей отдельно, попросила добавить Майю. Через несколько минут появилось ещё одно имя.

— Он не отвечает, — сказал Павел.

— Его обследуют.

— Ты знаешь?

— Нет. Надеюсь.

Она села на край дивана, подтянула под себя ноги. Павел остался у стола. Между ними была привычная тесная комната, но расстояние казалось ненормальным. Тася хотела позвать его ближе и не могла решить, просит ли она ради себя или потому, что боится оставаться одной с собственным горлом.

Павел сам повернулся.

— Чай сделать?

Она кивнула.

— Мне в большую.

Он вышел. Тася открыла разговор с Левом: тот прислал ей короткое сообщение, спрашивал, дома ли они. Она уже ответила в общем чате, но написала снова. Лев печатал долго, несколько раз исчезала надпись, потом появлялась опять.

«У тебя голос нормальный?»

Тася посмотрела на закрытую дверцу шкафа.

«Пока да».

Лев сразу позвонил.

Она приняла вызов, поднесла телефон к уху.

— Да?

В ответ послышалось дыхание. Затем осторожное, почти неслышное:

— Тася?

— Что у тебя?

Он попытался ответить. Получилось только несколько сиплых обрывков. Тася сначала не разобрала ни одного слова, затем поняла: он говорит, что не может говорить. От этой простой бессмыслицы по спине прошёл холод.

— Ты дышишь нормально?

Лев ответил коротко: да. Следующие слова снова распались.

— Не пытайся. Напиши. Я подожду.

Она не отключилась. Слышала, как он двигается, как шуршит ткань возле телефона. Затем пришло сообщение: «Дошёл. Выпил воды. Хотел спросить соседку, не приходила ли посылка. Не получилось».

— Ты один?

На этот раз он не пробовал говорить. Написал: «Соседка здесь. Говорит, сорвал».

Тася услышала женский голос, далёкий, раздражённый. Соседка спрашивала, зачем он опять кому-то звонит, если ему велели помолчать. Лев убрал телефон от лица, что-то попытался объяснить. Женщина ответила уже мягче, но Тася не разобрала.

В дверях появился Павел с двумя кружками. Увидев её лицо, остановился.

— У Льва голос пропал, — сказала она.

Муж поставил кружки на стол. Одну подвинул дальше от края, хотя Тася видела, что он смотрит не на посуду.

— Пусть обращается. Чего сидеть.

Она повторила Льву слова Павла и сказала, что Денис уже поехал, а им неизвестно, что случилось с горлом. Попросила соседку побыть с ним, если та может. Лев передал телефон. Тася объяснила женщине, что на репетиции произошла странная вещь и речь у одного из людей уже менялась. Не стала рассказывать про висящий орган: женщина перестала бы слушать раньше, чем услышала главное.

— Он покажет, что мы переписывались, — закончила Тася. — Пусть лучше его посмотрят.

Женщина сказала, что поняла. Назвалась Мариной. Пообещала помочь вызвать машину и спросить у него, куда он хочет ехать. Лев вернулся к телефону, несколько раз нажал пальцем по корпусу вместо ответа. Тася попрощалась.

На экране осталось её отражение. Она увидела собственный рот, приоткрытый после последних слов, и быстро погасила экран.

Павел сел рядом на диван.

— Ты тоже не говори пока, — сказал он.

Тася повернулась к нему.

— Мне можно самой решить, когда открывать рот?

Он отодвинулся. Совсем немного, но она почувствовала.

— Я не это имел в виду.

Она знала. От этого злость не исчезала. Павел сидел рядом, хотел ей помочь, и каждый его совет делал её меньше: не смейся, не проверяй, не говори. Как будто если она станет достаточно тихой, то можно будет забыть, что кто-то уже говорил ею без спроса.

— Извини, — сказала Тася.

Павел кивнул. Потом осторожно положил руку ей на колено, поверх домашней ткани.

Она накрыла его пальцы своими.

* * *

Чай остыл. Тася всё-таки выпила немного, потом пошла на кухню вымыть кружки. Павел выключил вытяжку. Тишина сначала показалась резкой, но через минуту в ней обнаружились холодильник, вода в соседней квартире, приглушённый телевизор за стеной.

Денис наконец написал: обследуют, пока без изменений. Майя добавила, что находится с ним. Светлана спросила, нужно ли приехать; Майя ответила, что сейчас не нужно, и попросила сообщать о собственном самочувствии. Тася рассказала в общем разговоре о Льве, предварительно спросив его разрешения сообщением. Он прислал короткое «да».

Через несколько минут ответила Валерия: «У меня всё обычно. Завтра напишу».

Тася завидовала ей так сильно, что захотелось выключить телефон. Вместо этого положила его экраном вниз возле хлебницы.

Павел поднял с пола полотенце, которое упало с крючка, и повесил обратно.

— Ложиться будем?

— Ты хочешь?

— Не знаю.

Она улыбнулась — теперь молча. За вечер они уже столько раз не знали, что собираются делать, будто квартира стала незнакомой и простые действия требовали разрешения.

— Пойдём. Хоть ляжем.

Павел выключил свет в маленькой комнате, вернулся за телефоном. Тася стояла у раковины и вытирала руки. В ту минуту, когда он проходил мимо, в горле возникло лёгкое движение. Не боль, не позыв к кашлю: будто внутри попытались повернуть крошечную гладкую вещь.

Она застыла с полотенцем.

— Что? — спросил Павел.

Тася хотела ответить, что ничего. Сказать это привычно, чтобы дать себе несколько секунд, за которые всё, возможно, пройдёт.

Из её рта вышло:

— Я пока есть.

Это был голос Евгения Власова. Тот самый негромкий, немного зернистый голос, которым он ответил Майе на репетиции.

Павел отступил на шаг.

Тася бросила полотенце. Схватилась за край раковины, попыталась вдохнуть и услышала одновременно собственный вдох и ещё один, более глубокий. Он словно не умещался в её груди. Плечи дёрнулись.

Павел оказался рядом сразу. Она выставила ладонь, не давая ему трогать шею.

— Не…

Слово вышло её голосом. Тася закашлялась. Непонятное внутреннее движение прекратилось. Она дышала часто, глядя на слив раковины, где медленно оседала белая пена от вымытых кружек.

Муж уже говорил по телефону.

Она слышала, как он называет адрес, как объясняет, что у жены вдруг изменился голос и на несколько секунд стало трудно вдохнуть. Не говорил про музыку, про старые ноты, про горло в воздухе. Отвечал на вопросы и смотрел на неё.

Тася подняла голову. Кивнула, когда он спросил, дышит ли она сейчас. Павел передал ответ.

Ей стало холодно. Она хотела пойти за кофтой потеплее, но ноги были такими ненадёжными, что пришлось сесть на кухонный стул. Полотенце осталось на полу. Павел обошёл его, принёс её телефон и стакан воды, поставил на стол. Она воду не тронула.

— Они приедут, — сказал он после разговора.

Тася кивнула.

— Только ты не пугайся, — добавил Павел и тут же закрыл глаза.

Она смотрела на него. Хотелось разозлиться, сказать, что поздно советовать, и одновременно прижаться к нему, как после обычного дурного сна. Вместо этого Тася взяла его за рукав и потянула к соседнему стулу.

— Сядь.

Он сел.

Она попробовала ещё раз:

— Это я.

Голос был её. Павел кивнул слишком быстро.

— Я знаю.

— Посмотри.

Он посмотрел ей в лицо. Тася увидела, как много усилий это стоит ему, и впервые за весь вечер испугалась не того, что с ней происходит, а того, как они будут жить, если это не прекратится. Каждый раз ждать, кто ответит. Каждый раз вздрагивать от открытого рта.

Она держала его за рукав, пока в дверь не позвонили.

Павел пошёл открывать. Тася осталась на стуле и услышала, как он объясняет пришедшим, куда пройти. В коридоре сняли верхнюю одежду, поставили сумку. Обычные люди вошли в её кухню, посмотрели на неё и стали спрашивать, что случилось.

Тася отвечала сама. Говорила медленно, останавливаясь после каждой фразы, но ни одного чужого слова больше не прозвучало.

Это не успокаивало так, как должно было.

Глава 4. Светлая тетрадь

Софья Викторовна открыла дверь до того, как они позвонили второй раз.

— Я слышала первый, — сказала она. — Просто иду медленно.

Денис убрал руку от кнопки.

В прихожей пахло яблоками. Несколько крупных плодов лежали на газетном листе под вешалкой; один начал портиться, и возле него газетная бумага потемнела. Софья Викторовна заметила его взгляд, наклонилась, но Майя уже подняла яблоко.

— Куда?

— На кухню, в ведро. Спасибо. Я думала, ещё полежит.

Майя сняла ботинки, прошла в кухню. Денис остался у двери с сумкой через плечо. Весной он приходил сюда один. Тогда хозяйка показалась ему гораздо моложе: говорила быстро, охотно вспоминала отцовских знакомых и несколько раз повторила, что хорошо, когда старые вещи кому-нибудь нужны. Сегодня она держалась за спинку стула, пока он раздевался.

Возможно, дело было только в том, что он плохо спал и теперь видел усталость повсюду.

Домой Денис вернулся уже после полуночи. Врачи не объяснили ни чужого голоса, ни того, что видели в репетиционной комнате. Ему выдали бумаги с результатами осмотра и дальнейшими назначениями; он положил их в отдельный прозрачный файл, чтобы не смешать с нотами. Майя уехала раньше, когда стало ясно, что сидеть возле него больше не нужно. Утром они созвонились и встретились у Софьиного дома.

Тася оставалась в больнице. Павел написал об этом ночью, а утром она сама коротко сообщила, что сейчас дышит обычно и ждёт следующего осмотра. Лев прислал фотографию своего листа после обращения за помощью: ему тоже назначили повторный приём. Голос к нему не вернулся. Денис хотел позвонить, затем понял, что заставит молодого человека снова пытаться отвечать, и написал, что будет на связи.

Перед выходом он перевёл деньги за первый вечер всем восьмерым и Майе. У Валерии сообщение о зачислении появилось почти сразу; она ответила одним «спасибо». Лев ничего не написал. Сергей спросил, что будет дальше. Денис ответил: сначала поговорит с хозяйкой тетрадей, потом сообщит всем.

Теперь хозяйка смотрела на него так, будто ждала того же ответа.

— Это Майя Чурина, — сказал он, когда она вернулась из кухни. — Мы вместе работаем. Она была вчера.

— Пианистка?

— Да.

— Проходите.

В большой комнате на диване лежали две картонные папки и знакомая светлая тетрадь. Софья Викторовна накрыла их чистым полотенцем, которое теперь сняла и сложила на подлокотнике. Денис помнил эту привычку по весеннему визиту: она защищала бумагу даже от того времени, пока никто к ней не прикасался.

— Я не всё нашла, — сказала она. — Там ещё в ящике было. Сверху много чего поставили, я сама не смогла снять.

— Мы снимем.

— Потом. Сначала скажите мне по-человечески. Что именно случилось?

Денис сел на предложенный стул. Майя осталась у дивана, пока хозяйка не подвинула папки и не показала на свободное место.

Он начал с репетиции. Сказал, сколько было голосов, какие страницы они разучивали. Рассказал про финал и несколько раз остановился, чтобы объяснить Софье Викторовне музы-

кальные слова. Она слушала с напряжённым лицом. Когда он в третий раз вернулся к различию старого и нового окончания, Майя тихо произнесла:

— Денис, скажи ей, что мы увидели.

Он посмотрел на светлую обложку.

— Часть тела. Похожую на горло. В воздухе, без человека.

Хозяйка положила ладони на колени.

— Большую?

Он показал руками.

— Примерно так. Трудно сказать. Оно менялось.

— А потом?

— Исчезло.

— Само?

— Да.

Она перевела взгляд на Майю.

— Вы тоже видели?

— Да. Я сидела у инструмента, сбоку. Оно было между Денисом и первым рядом.

Софья Викторовна медленно выдохнула. Денис ждал, что она сейчас назовёт увиденное, расскажет о прежнем случае, даст хоть какое-нибудь определение. Вместо этого она сказала:

— Отец ничего такого мне не показывал.

— Но что-то показывал?

Она подняла на него глаза.

— Вы вчера спросили про пометку. Я не знаю, что она значит. Правда не знаю.

— Я не думаю, что вы…

— Думаете. Ничего, я бы тоже думала.

Майя сняла очки, протёрла их краем салфетки, которую достала из футляра. Денис заметил, что она не торопится надеть их снова.

Софья Викторовна взяла светлую тетрадь. Угол обложки был стянут тёмной ниткой, прошитой через несколько дырочек. Она развязала не нитку, а тесёмку, обхватывавшую весь переплёт, и передала тетрадь Денису.

— Вот эти листы вы копировали. Я поставила бумажки, чтобы найти.

Между страницами торчали узкие полоски старого конверта. Денис раскрыл нужное место. Нотная бумага была желтоватой, с едва различимой сеткой фабричной разлиновки. Несколько систем начертили от руки, там линейки расходились. На копии он принял это за искажение при съёмке.

Знакомый фрагмент начинался в середине страницы. Первое слово перед ним было обрезано старым разрывом бумаги: сохранилось только «…гортанные».

Денис видел этот обрыв и раньше. Решил, что речь о приёме пения, о горловом звуке, и не включил слово в рабочее название.

— Здесь не хватает части листа, — сказал он.

— Я знаю.

— У вас её нет?

— Если бы была, я бы приложила.

Он провёл пальцем над оборванным краем, не касаясь. Под словом стояли несколько коротких нотных строк. Потом начиналось то, что он свёл в восемь партий.

— Вы сказали, он собирал чужое. Откуда именно это?

— Не знаю. К нему приносили. Он сам ездил, менялся. Иногда ему присылали папки, и он неделю ходил довольный. Иногда такую же папку потом называл мусором.

Она чуть улыбнулась, но улыбка быстро исчезла.

— У вас, наверное, тоже бывает.

Денис не ответил.

— Это его почерк? — спросила Майя, указывая на текст под последней системой.

«Не тянуть вслед». В оригинале карандаш был настолько бледным, что приходилось наклонять страницу к окну.

— Да. А ноты — не все. Вот эти он переписывал.

Софья Викторовна показала на соседний разворот. Здесь значки были теснее, хвосты у некоторых нот длиннее, чем на предыдущем. Денис весной сравнивал музыкальную ткань, а не почерки. Сейчас перед ним лежала вещь, составленная несколькими людьми, и он впервые почувствовал не удовольствие от находки, а стыд за то, как легко называл её одним произведением.

— Я хочу понять, что произошло, — сказал он. — Если вы что-нибудь помните, даже не про сами ноты…

— Я помню голоса, — ответила Софья Викторовна.

Майя надела очки.

— Чьи?

— Вот именно это меня и спрашивали.

* * *

Софье Викторовне было тогда двенадцать. Денис не стал сразу вычислять год: боялся перебить её очередным уточнением.

Отец привёл домой двоих знакомых. Она помнила одного — широкого мужчину, который всегда вытирал ноги слишком долго и приносил ей маленькие шоколадки, хотя она уже считала себя взрослой. Второй был ей незнаком. Они сели в этой же комнате, но мебель стояла иначе: пианино возле окна, стол посередине, диван у другой стены.

— Пианино потом продали, — сказала она. — Вы не ищите. Здесь теперь шкаф.

Мужчины попросили её слушать из коридора. Дверь оставили открытой, а ей велели не заглядывать. По очереди произносили одну фразу, и она должна была сказать, кто говорит. Сначала угадывала. Отец смеялся, хвалил её слух. Потом она назвала не того.

— Они обрадовались, — сказала Софья Викторовна. — Я это помню лучше всего. Я ошиблась, а они обрадовались.

Денис держал тетрадь на коленях. Листы чуть расходились, и он осторожно поддерживал переплёт снизу.

— Какую фразу?

— Простую. «Ты меня слышишь» или «Подойди сюда». Что-то такое. Я точных слов не помню.

Она посмотрела на Майю, словно просила подтвердить право не помнить.

— Мне показалось, они научились передразнивать друг друга. Я тоже захотела. Начала изображать маму, как она зовёт меня обедать. Все замолчали. Отец сказал, чтобы я немедленно перестала. Он редко так говорил.

— После этого у вас… — Денис осёкся.

— Нет. Со мной ничего не было.

— А с ними?

— Они ушли. Отец не пошёл на следующий день на работу. Мама сердилась, говорила, что он опять с чужими затеями носится. Я слышала, как они ругались. Через несколько дней у нас появился магнитофон — не наш, принесли. Потом ещё приезжали люди. Я только не знаю, было ли это из-за того случая или другого. Вы понимаете? В памяти оно рядом, а могло пройти много времени.

Денис кивнул. Ему не нравилась эта неопределённость. Он видел в тетради чёткие линейки, окончания фраз, последовательность входов; хотел получить такую же последовательность из её рассказа.

— Ночью мне однажды позвонили, — продолжила Софья Викторовна. — Уже взрослой. Я жила отдельно. Сказали, нашли запись с отцом, попросили узнать, действительно ли он. Я его сразу узнала. А мне ответили: «Нет, это другой человек». И стали смеяться. Пьяные, наверное. Но я после этого неделю вздрагивала от телефона.

— Поэтому вы вчера попросили…

— Поэтому. Я не хочу опять сидеть ночью и слушать, как меня проверяют. Если у вас есть что-то такое, принесите днём. Я послушаю. При людях.

— У нас нет записи, — повторил Денис.

Она кивнула, как будто это ничего не меняло.

Майя спросила:

— Ваш отец потом говорил нормально?

— Со мной — да. До самой смерти. Только петь перестал. Раньше всё время напевал, когда что-нибудь делал, а потом нет.

— После того дня?

— Не знаю.

Софья Викторовна произнесла это уже с раздражением, и Денис понял, что ещё один вопрос о точной дате заставит её замолчать совсем.

— Простите, — сказал он. — Мы не пытаемся поймать вас на неточности.

— А получается.

Майя посмотрела на него поверх очков.

Он закрыл тетрадь.

— Покажите, какой ящик достать.

* * *

На верхней полке шкафа стояла большая коробка из-под посуды. Перед ней лежали свёрнутый коврик и две плоские упаковки с новогодними украшениями. Денис встал на принесённую хозяйкой устойчивую табуретку. Майя принимала вещи и складывала на пол так, чтобы не загородить проход.

Коробка оказалась тяжёлой. Он придержал её грудью, спустил на край полки, затем передал Майе один угол. Софья Викторовна убрала со стола вазу и постелила газету. Денис и Майя опустили на неё коробку.

— Я весной хотела и это показать, — сказала она. — Потом мы разговорились, я забыла. А вы так обрадовались тем страницам.

В коробке лежали программы концертов, переписанные от руки тексты, несколько тонких общих тетрадей и конверты с фотографиями. Денис взял верхнюю программу, увидел чужую фамилию, положил обратно. Не стал просматривать всё подряд.

— Что-нибудь из этого он хранил вместе со светлой тетрадью?

Софья Викторовна задумалась.

— Этот конверт, кажется. Нет, под ним. Серый.

Майя вынула конверт. На нём стоял обычный тверской адрес и фамилия Нелина. Марка отклеилась, по штемпелю нельзя было уверенно разобрать год. Внутри были сложенный лист, две фотографии и короткий нотный отрывок.

На первой фотографии шесть человек стояли возле пианино. На второй — те же люди, но один отвернулся и размазался. Денис перевернул снимки. Никаких подписей.

— Ваш отец здесь?

— Нет. Это я помню. Он как раз показывал и говорил, что его опять никто не снял.

Денис пересчитал людей. Майя заметила.

— Фотография не список исполнителей, — сказала она тихо.

Он положил снимки на стол.

Сложенный лист был написан тем же широким почерком, что приписка в тетради. Начало отсутствовало: бумагу когда-то разорвали поперёк, сохранилась нижняя половина. Текст шёл без обращения, с середины мысли.

«…считать это подражанием больше нельзя. Он не знает, что говорить дальше. Возвращается к нашим словам, но с каждым разом удачнее выбирает место. Вчера попросил воды. Мы дали, хотя рта ещё не было».

Денис прочитал вслух, не изменяя интонации. К концу строки голос начал дрожать.

Софья Викторовна потянулась к листу. Он передал ей. Она надела очки, висевшие на цепочке, и прочла сама.

— Я этого не видела, — сказала она.

Майя встала рядом, но не заглядывала через плечо. Ждала, пока хозяйка дочитает.

Ниже было ещё несколько строк:

«Не повторять ради свидетелей. Они слышат уже готовое, а мы каждый раз делаем. Н. всё ещё убеждён, что можно отделаться одной переменой окончания».

Последняя строка уходила под загнутый край. Денис осторожно расправил его, когда Софья вернула лист.

«Сегодня не смог назвать сына. Получилось голосом С. Он смеётся. Я больше не могу с ним в одной комнате».

Подписи не было.

Некоторое время все молчали.

— Это он писал? — спросил Денис.

Софья Викторовна смотрела на бумагу.

— Почерк его. Но он мог переписать. Он много чего переписывал.

Денис снова прочёл про сына. У Софьи Викторовны мог быть брат, о котором она не говорила. Могло не быть. Он не стал превращать это в следующий вопрос: имя автора фразы не отменяло того, что в ней было написано.

Майя попросила лист. Прочла обе стороны, затем посмотрела на хозяйку.

— Нам нужно это сфотографировать. Можно?

— Конечно. Я же для этого всё достала.

Они сделали снимки страницы, обрывка и нотного отрывка рядом с ними. Майя фотографировала так, чтобы помещались края бумаги; Денис следил, не закрывает ли её рука бледные буквы. Софья Викторовна сидела на диване и смотрела на раскрытую коробку.

— Я вам плохое отдала, — сказала она.

Денис опустил телефон.

— Вы не могли знать.

— А вы могли?

Он посмотрел на собственную сумку, стоявшую у стула.

— Не знаю.

Софья Викторовна кивнула. Этот ответ она приняла легче, чем утешение.

— Оригиналы возьмите пока, — сказала она. — Только не теряйте. И не вырывайте больше ничего. Их и так половины нет.

— Мы ничего не вырывали, — начал Денис.

— Я не про вас. Вообще.

Он аккуратно сложил лист обратно в конверт. Светлую тетрадь Майя обернула чистой бумагой, которую принесла хозяйка. Денис убрал оба предмета в свою сумку, поверх рабочей

партитуры. Остальные вещи они вернули в коробку, но наверх поднимать не стали: Софья Викторовна попросила оставить на соседнем стуле, чтобы самой пересмотреть, когда отдохнёт.

У дверей она задержала Дениса за рукав.

— Тех людей, что у вас вчера были… Вы им сказали?

— Скажу сейчас.

— Всем скажите. Не только тому, кто лучше понимает.

Он кивнул.

На улице Майя остановилась у подъезда, застёгивая пальто. Ветер поднял угол рекламного листка на стекле; бумага несколько раз ударила по двери. Денис достал телефон, открыл общий разговор. Посмотрел на девять чужих имён и на своё.

Ему хотелось сначала самому разобрать обрывок, понять, что из него следует, и только после этого написать им спокойное объяснение. Он уже знал, какими словами начнёт: «Пока рано делать выводы».

Вместо этого отправил фотографии.

Следом написал: «Мы нашли это у дочери человека, от которого пришли ноты. Она не знала об этом листе. Я пока тоже не понимаю всего. Но вы должны увидеть».

Майя стояла рядом и ждала, пока он уберёт телефон.

Глава 5. Олег Мерцалов

На третьем повторе Олег убрал руки с клавиш.

Ученица сразу остановилась.

— А я вам ещё нужен? — спросил он.

Она посмотрела на него с обидой.

— Вы же сами перестали.

— Вам оставалось два такта.

— Я подумала, что неправильно.

Олег хотел сказать, что она опять не слушает себя. Услышал эту фразу заранее и почувствовал, как она ему надоела. Женщина пришла после ночной смены, заплатила за занятие и сорок минут следила за его лицом, пытаясь угадать, когда он снова будет недоволен. Он мог сколько угодно предлагать ей свободу, продолжая изображать человека, у которого лежит ответ.

— Я слишком рано снял руки, — сказал он. — Вы решили, что я остановил вас. Давайте теперь я вообще не буду играть. Начальный звук дали, дальше попробуйте сами.

Она допела. Последняя нота была не совсем чистой, но фраза закончилась.

— Вот, — сказал Олег.

— Плохо?

— Сейчас лучше.

Женщина посмотрела недоверчиво. Он не стал убеждать: записал ей время следующего занятия и проводил до двери.

Телефон звонил уже второй раз. На экране было имя Майи Чуриной.

— Если ты опять хочешь поменяться четвергом, то я умер, — сказал Олег, принимая вызов.

— Не опять. Я один раз хотела. И ты согласился.

— Вот и жалею до сих пор.

Она не засмеялась.

Олег закрыл дверь в комнату, хотя дома больше никого не было.

— Что случилось?

Майя спросила, может ли приехать. Не вечером, сейчас. С Денисом.

Олег посмотрел на пианино. На крышке лежали тетрадь ученицы, которую она забыла, и его телефонная зарядка. Он переложил тетрадь на стол.

— С Ладыгиным?

— Да.

— Я его приглашение видел. В субботу приду, я же ответил.

— Субботы не будет.

Он подождал.

— Майя, вы поссорились?

— Нет. То есть успели и это. Можно мы приедем?

— Конечно.

— Я сначала скажу по телефону. Чтобы ты не стал думать, что мы решили тебя разыграть.

Она говорила несколько минут. Олег дважды хотел перебить, оба раза удержался. Потом спросил:

— Ты сама видела?

— Да.

— И сейчас ты где?

— Возле дома Софьи Викторовны. Я объясню, кто это.

— Приезжайте.

Он открыл окно. В комнату вошёл холодный воздух, потянуло сырой штукатуркой со двора. Олег постоял, опираясь ладонями на подоконник. После Майиного рассказа ему хотелось сделать что-нибудь совсем постороннее: вымыть кружку, ответить на давнее сообщение, узнать, не оставила ли ученица ещё и шарф. Он проверил вешалку. Шарфа не было.

Денис не приходил к нему почти два года.

Раньше они часто сидели на этой кухне после работы. Спорили о музыке так громко, что соседка стучала по трубе. Денис любил доводить мысль до конца, даже когда никто уже не помнил её начала. Олег прерывал его, и оба получали от этого удовольствие — пока однажды не оказалось, что удовольствие осталось только у Олега.

Из Денисова ансамбля тогда ушли трое певцов. Двоих Олег позвал в собственный короткий проект. Третья пришла сама. Денис узнал обо всех одновременно, решил, что это было подготовлено заранее, и сказал ему вещи, которые потом пытался объяснить усталостью. Олег тоже наговорил лишнего. В частности, что людей нельзя удержать одной уверенностью в своей незаменимости.

Фраза ему понравилась. Именно поэтому сейчас было стыдно её вспоминать.

Он закрыл окно и пошёл ставить чайник.

* * *

Денис вошёл первым, хотя Майя звонила в дверь.

— Привет.

— Привет.

Они пожали руки слишком крепко. Олег почувствовал, что Денисова ладонь холодная. У Майи были красные глаза; она сразу спросила, можно ли умыться.

— Ты знаешь где.

Она прошла в ванную. Денис остался в прихожей, держа сумку перед собой.

— Неудобно получилось, — сказал он.

— Что именно?

— Пригласил тебя, а теперь…

— Майя рассказала. Проходи.

В кухне Денис положил сумку на свободный стул. Сел рядом. Олег достал третью кружку, потом убрал сахарницу с середины стола: туда уже легла партитура.

Денис привёз старые копии, новые листы, светлую тетрадь и серый конверт. Раскладывал их аккуратно, в нужной последовательности. Олег дал ему закончить.

— Ты сначала хочешь прочитать? — спросил Денис.

— Сначала хочу услышать, как сейчас люди.

Денис перечислил имена и рассказал о ночных сообщениях. Олег знал почти всех, хотя с некоторыми встречался только на общих концертах. Тасю и Павла помнил парой, которая могла одновременно опоздать и принести чужие забытые ноты. Льва слышал один раз, на прослушивании; тот пел так, словно за дверью уже начали объявлять следующего.

— А ты? — спросил Олег.

— Сегодня нормально. Пока.

— Боль?

— Нет. Иногда кажется, что звук идёт не оттуда.

— Откуда?

— Я не могу показать.

Майя вернулась, вытирая руки своим платком.

— Вчера он сказал Тасиным голосом то, что она говорила раньше, — произнесла она. — Я стояла рядом. Не похоже. Не удачно передразнил. Именно её голос.

Олег кивнул. Он не знал, что ответить так, чтобы не обидеть её и не согласиться раньше, чем понял.

— Я понимаю, как это звучит, — сказал Денис.

— Тогда не трать время на это предисловие.

Тот посмотрел на него с прежним раздражением. Олег почти обрадовался: хотя бы здесь оба знали, как себя вести.

Он взял старую последнюю страницу. Затем новую. Денис начал объяснять, но Олег поднял палец.

— Дай дочитать.

На старом листе окончания расходились. Не просто наступали по очереди — некоторые фразы словно не замечали соседних. Там, где у первого сопрано исчезал звук, низкий голос ещё тянул свою гласную, а затем оставался один. Новая редакция собирала это в красивое общее завершение. Олег понимал, почему Денис сделал именно так. Сам бы, возможно, начал с той же попытки, прежде чем решил, стоит ли браться за материал.

Он не сказал этого вслух.

Вместо этого спросил:

— Почему ты решил, что это конец одной вещи?

— Потому что середина сходится.

— У тебя сошлась. Здесь несколько отдельных строк.

— Они рассчитаны друг на друга. Посмотри интервалы.

Олег посмотрел. Денис подвинул ему ещё один лист. Они заговорили быстрее, перебивая друг друга, и на несколько минут всё стало почти прежним. Олег потянулся к краю стола, где обычно отбивал пальцами пульс, но Майя накрыла лист ладонью.

— Мы сейчас никуда не побежали?

Они замолчали.

— Я не собирался петь, — сказал Олег.

— Хорошо.

Она убрала руку.

Денис сел ровнее. Олег прочёл обрывок из конверта, затем посмотрел на фотографии.

— Откуда он?

— Она не знает. Почерк отцовский, но он мог переписывать.

— И ты не знаешь, сколько времени между этой записью и нотами?

— Нет.

— Тогда пока не будем считать, что человек описывал именно это исполнение.

Денис кивнул, но Олег видел: он уже считал. И сам Олег был близок к тому же. Слишком хорошо совпадали чужие слова и услышанный от Майи рассказ.

— Восемь голосов, — сказал он. — У кого-нибудь до вчерашнего уже было что-то похожее?

— Никто не говорил.

— Спросить надо.

— Я спрошу.

— И тебя девятым записать.

Денис поднял голову.

— Я не пел вместе с ними.

— Но пел?

— Показывал окончание.

— Какое?

Он показал в партитуре. Олег посмотрел на указанную строку, затем на Майю.

— Ты?

— Только играла.

— Вообще не подпевала? Даже на разборе?

— Нет. Я помню. Горло с утра болело, берегла голос.

Денис повернулся к ней.

— Ты не сказала.

— Я много чего тебе не говорю. Вечер отыграть это не мешало.

Олег положил страницу на стол.

— Ты хочешь сказать, я тоже… — начал Денис.

— Я хочу сказать, что ты пел этот кусок и с тобой случилось то же, что с Тасей. Не знаю, что это значит. Но считать только восьмерых было бы удобно для тебя.

Майя посмотрела на Олега.

— Последнее лишнее.

Он хотел возразить, затем отвёл глаза.

— Да. Лишнее.

Денис молча складывал копии. Сначала одну, потом другую, выравнивая края о стол. Олег положил ладонь на партитуру, которую тот ещё не успел забрать.

— Оставь мне копии. Если хочешь, чтобы я посмотрел.

— Хочу.

— Тогда оставь.

Олег снял руку. Денис отделил старые страницы от новых и передал обе стопки. Светлую тетрадь и конверт убрал в сумку.

— Что делать сегодня? — спросила Майя.

Олег посмотрел на часы. До следующего ученика оставалось сорок минут. Он мог отменить занятие, но это означало бы признать, что всё услышанное уже стало частью его дня, за которую он отвечает.

— Я поговорю со Львом, если он согласится. Письменно. Посмотрю, что он сам помнит. И с остальными можно так же. Без попыток повторить.

— Они захотят, чтобы ты сразу что-нибудь предложил, — сказал Денис.

— Ты тоже хочешь.

— Да.

Олег посмотрел на него. Впервые за весь разговор ответ не нуждался ни в уточнении, ни в поправке.

— Сегодня я ничего не обещаю, — сказал он.

Майя допила чай. Денис своего почти не тронул.

* * *

Когда они ушли, Олег написал ученику, что занятие придётся перенести. Деньги за него он не брал, но всё равно почувствовал себя человеком, который нарушил договорённость ради более занимательного дела.

Он снова раскрыл старые страницы. Взял карандаш, пометил места, где заканчивался каждый голос. Получилась не ровная лестница выходов: двое замолкали почти вместе, другие держали дольше, последний оставался на звуке, который трудно было назвать устойчивым завершением. Денис действительно сделал из этого музыку, способную прозвучать со сцены.

Олегу хотелось найти ошибку.

Он отложил карандаш. Несколько секунд смотрел на свою руку, затем взял чистый лист и написал сверху: «Что я видел сам».

Под заголовком оставалось пусто.

Телефон подал сигнал. Денис передал, что Лев согласен переписываться, и прислал его номер. Следом пришло сообщение самого Льва:

«Я вас помню. Вы меня слушали весной. Можно не через Дениса?»

Олег ответил: «Можно».

Лев долго печатал.

«Мне завтра работать. Если до вечера не скажу, возьмут другого. Я не могу им объяснить».

Олег перечитал сообщение. Придуманный им вопрос о месте в партитуре вдруг показался не первым, который стоит задать.

«Что за работа?»

«Вести мероприятие. Я уже готовился. Не петь. Просто говорить».

Олег посмотрел на свой лист. На пустое место под аккуратным заголовком.

«Я попробую связаться с организатором, если ты дашь контакт и разрешишь. Объясню, что голос пропал и нужно время. Без остального».

Ответ пришёл быстро:

«Лучше не надо. Они вас знают. Будет ещё хуже».

Олег убрал телефон и впервые за день не знал, куда деть руки.

Глава 6. Чистый звук

Лев прослушал свой старый ролик до конца.

Запись была короткой: сорок секунд, в которых он приглашал людей на чужой праздник. На последних словах голос становился чуть ниже, теплее. Заказчик именно это место попросил переделать четыре раза, а потом выбрал первый вариант. Лев тогда жаловался всем знакомым. Теперь ему казалось, что он охотно повторил бы и в пятый, и в двадцатый раз.

Он закрыл проигрыватель. Положил ладонь на горло и произнёс первые три слова.

Губы двигались, воздух выходил. Вместо речи получался слабый шум, будто кто-то тёр сухую ткань. Лев убрал руку. Попробовал снова и сразу остановился: даже шум стал грубее.

На столе лежала бумага, которую ему дали после осмотра. Он перечитал её утром, потом ещё раз перед звонком в назначенное место. Звонить пришлось Марине: она объяснила, что он не может говорить, записала время и передала ему телефон, чтобы сам подтвердил сообщением необходимые сведения. Лев поблагодарил её на листке. Она сказала, чтобы не писал благодарностей, а помыл за собой чашку, которую оставил с вечера в общей кухне.

Это было легко выполнить. Он вымыл и чашку, и маленькую кастрюлю, хотя кастрюля была не его.

Они с Мариной снимали две комнаты в одной квартире. Пока его голос не пропал, они разговаривали мало: она рано уходила, он поздно возвращался. Вчера она проводила его до машины и дождалась сообщения после осмотра. Сегодня смотрела на него внимательнее, чем ему хотелось.

Лев предпочёл бы, чтобы она снова сердилась на посуду.

Телефон лежал возле ноутбука. Ответ Олегу уже был отправлен. Он несколько раз перечитал собственное «будет ещё хуже» и решил не объяснять. Не говорить, что хуже будет не из-за слухов о страшной репетиции. Организаторы знают Мерцалова. Если тот начнёт просить за Льва, молодой ведущий навсегда останется человеком, которому понадобился взрослый поручитель, чтобы не лишиться одной работы.

В общем разговоре накопились сообщения. Денис прислал фотографии бумаг, Светлана задавала вопросы, Сергей требовал встретиться. Надежда написала, что может после семи. Валерия отвечала коротко: «Я сегодня не приеду. Пока всё нормально».

Лев увеличил первый снимок. Бледные буквы расплывались. Он разобрал про чужие слова, про воду, потом закрыл изображение. От старой бумаги не становилось легче дышать, а организатор прислал ещё одно сообщение: нужно понимать, выйдет он завтра или нет.

Лев набрал: «К вечеру точно скажу».

Ответ пришёл почти сразу: «Хорошо. До шести».

Он посмотрел на время. Ещё оставалось больше двух часов.

В комнате было жарко. Лев снял толстовку, бросил на кровать, приоткрыл окно. На подоконнике стоял стакан с водой, которую он так и не допил. Он сделал глоток. Вода была комнатной температуры, с неприятным привкусом самого стакана.

Ноты лежали в рюкзаке. Он не доставал их с ночи.

Не петь. Это он помнил. Денис написал ещё раз после фотографий: никаких попыток повторить. Но Лев и не собирался повторять ту вещь. Ему нужно было проверить свой голос — тот, которым он разговаривал до этого вечера и который ничего не знал о чужой тетради.

Он встал перед зеркалом на дверце шкафа. Открыл рот, посмотрел. Всё выглядело обычно. От этого хотелось ударить по стеклу.

Лев отвернулся. Подошёл к столу, сел, затем опять встал. Выдохнул. Попробовал привычный тихий звук, с которого много лет начинал распеваться.

Сначала ничего.

Он повторил, совсем негромко, почти не надеясь. И вдруг услышал ровную ноту.

Звук был слабым, но чистым. Его собственный звук.

Лев замер. Не стал делать громче. Удерживал, боясь, что при следующем вдохе всё опять исчезнет. В горле ничего не болело. Напротив, воздух проходил легко, как до простуды, которой у него даже не было.

Он снял ноту.

— Добрый день, — сказал он.

Получилось.

Лев засмеялся от облегчения. Смех сорвался на середине, но первые два коротких звука были настоящими. Он схватил телефон, хотел позвонить организатору и остановился. Надо записать, пока есть. Сначала убедиться.

Он включил камеру, поставил телефон у основания настольной лампы, направив на себя.

— Добрый день, — повторил он.

На слове «день» голос оборвался.

Лев смотрел на собственное лицо в маленьком изображении. Рот остался открытым. Под подбородком что-то дрогнуло.

Не на экране. Перед ним.

Он медленно отвёл голову назад.

В воздухе над краем стола висела тёмная полоска. Она была тонкой, как мокрая кожица, которую сняли с варёного плода. Края заворачивались внутрь. Между ними поблёскивала прозрачная жидкость.

Лев отступил. Полоска осталась на месте.

— Нет, — попытался сказать он.

Вышел шёпот.

Влажные края разошлись. Внутри показалось ещё одно кольцо, светлое и неровное. Оно сокращалось. Лев услышал своё дыхание так громко, словно приставил ухо к собственной груди.

Он зажал рот ладонью.

Дыхание перед ним продолжалось.

* * *

Из кухни доносился стук ножа. Марина готовила что-то к ужину. Лев хотел позвать её и не смог. Постучал кулаком по стене. Недостаточно громко. Ударил ещё раз.

— Что? — крикнула она.

Он не ответил.

Влажное кольцо повернулось. Движение было медленным, неуверенным. Лев увидел с обратной стороны короткую трубку, которая никуда не уходила: заканчивалась в воздухе неровным, слегка пульсирующим краем. Всё это было меньше его ладони.

Дверь приоткрылась.

— Ты стучал?

Лев показал на стол.

Марина посмотрела. Нахмурилась, сделала шаг, затем остановилась в дверях.

— Что это?

Он замотал головой.

Она протянула руку к выключателю. Свет в комнате стал ярче. Кольцо никуда не исчезло. На его наружной поверхности проступили мелкие красные жилки.

— Лев, это что?

Теперь она говорила тише.

Он схватил со стола блокнот и ручку, не подходя ближе, чем нужно. Написал на весу: «То, про что вчера».

Марина прочла. Руку от выключателя не убрала.

— Ты опять пел?

Лев хотел написать, что это другое. Что он не брал нот и не повторял ни одного места. Вместо этого прижал блокнот к животу. Марина смотрела на него, потом снова перевела взгляд к столу.

Кольцо вытянулось. Влажный край дрогнул, сомкнулся и разошёлся, будто пробовал найти нужную форму.

— Воды, — сказало оно.

Оба вздрогнули.

Слово прозвучало Львиным голосом. Очень тихо, без его обычной торопливости.

Он посмотрел на стакан у окна. Прочитанная фраза из старого письма вернулась целиком: «Мы дали, хотя рта ещё не было».

Марина тоже посмотрела на стакан.

— Не трогай, — сказала она.

Лев стоял у стены. Он не собирался трогать. Ему хотелось выйти из комнаты, но для этого надо было пройти мимо стола, а теперь маленькое отверстие повернулось в его сторону.

— Воды.

Он услышал в слове собственную сухость, ту, которую не мог объяснить при осмотре. Не жажду, не боль — ощущение, что внутри осталось слишком мало места для обычного звука.

Марина взяла его за рукав, потянула к двери. Лев послушался. Они вышли в коридор. Она прикрыла дверь, но не захлопнула: между полотном и косяком осталась щель.

— Телефон, — прошептала Марина. — Давай телефон.

Он показал на комнату.

— Мой есть, — сказала она сама себе.

Пошла на кухню. Лев остался возле двери. Слышал, как она открывает ящик, потом другой, сердится. «Вот же он, возле хлеба», — сказала она наконец. Начала кому-то звонить. Он не разобрал первые слова, а потом услышал: человеку стало плохо, пропал голос, в комнате что-то непонятное.

Ему стало стыдно за то, что она вынуждена объяснять.

Из комнаты снова попросили воды.

Лев открыл дверь шире. Кольцо висело над столом, чуть ниже прежнего. Трубка с обратной стороны удлинилась и загнулась к сиденью стула. На столешнице под ней темнело маленькое влажное пятно.

Он мог взять телефон. Всего один шаг, протянуть руку. При этом не надо было касаться того, что висело рядом.

Лев шагнул в комнату. Потянулся к лампе.

Кольцо резко сжалось.

Боль прошла под языком, словно кто-то затянул там узкую петлю. Лев согнулся, ударился плечом о край шкафа. Блокнот выпал из рук.

Он закашлялся. Изо рта брызнула слюна. В этой слюне был чужой холодный вкус — сырой металл и что-то сладковатое, испорченное.

Кольцо опустилось ниже. Почти коснулось стола.

Лев держался за край шкафа, пока приступ не прошёл. Потом увидел стакан на подоконнике. До него было ближе, чем до двери. Он взял стакан, сжимая так сильно, что пальцы побелели.

Марина появилась у входа.

— Выйди оттуда!

Лев повернулся к ней и сделал движение, которого сам ещё секунду назад не собирался делать: поднёс стакан к влажному отверстию.

Он хотел, чтобы оно перестало сжиматься.

Наклонил. Немного воды попало внутрь, остальное пролилось на стол. Лев почувствовал холод у себя под языком. Жидкость потекла из его рта на футболку.

Он отдёрнул руку. Стакан ударился о столешницу, но не разбился.

Марина вцепилась сзади в ткань футболки у его плеча и потянула. Лев отступил, наступив на собственный блокнот.

Кольцо раскрылось широко. У него не было губ и зубов, но на секунду возникло мучительно ясное ощущение улыбки.

— Добрый день, — произнесло оно.

Лев услышал те самые два слова, которые несколько минут назад вернул себе.

Марина вытащила его в коридор и закрыла дверь.

Они стояли рядом, прислонившись к стене. Она держала его за мокрый ворот, пока не поняла, что это мешает. Разжала руку.

— Я вызвала, — сказала она. — Сейчас приедут.

Он кивнул.

Из-за двери больше ничего не доносилось.

* * *

Когда приехавшие люди открыли комнату, над столом ничего не висело.

Один из медиков остался со Львом, второй заглянул внутрь вместе с Мариной. Она показывала место, воду на столе, говорила быстро, сбиваясь. Лев сидел на стуле в коридоре. Футболка прилипла к груди. Он отвечал на вопросы письменно, в Марининой тетради с рецептами: его блокнот остался на полу комнаты.

Дышать он мог. Боль под языком стала тупой и слабой. Обычной речи по-прежнему не было.

Телефон нашли у лампы. Запись продолжалась. Марина остановила её, принесла Льву. Он сразу открыл видео, перемотал к моменту, когда ещё стоял перед столом.

В кадре было его лицо. Затем он отступал, выходил из изображения, а у нижнего края появлялась тёмная влажная полоска. Камера плохо удерживала резкость. Но когда Марина включила верхний свет, кольцо стало видно целиком.

Она села рядом. Приехавший медик наклонился к экрану.

Лев смотрел не на него. Смотрел на маленькое отверстие, которое двигалось над его столом, и ждал, что сейчас снова почувствует боль.

Ничего не произошло. Видео дошло до того места, где он вернулся за телефоном. С экрана донёсся кашель, затем Маринин крик.

Она взяла его за запястье.

— Хватит. Потом.

Лев остановил запись.

Медик попросил сохранить видео и показать врачу, объяснил, почему после нового приступа лучше снова поехать на осмотр. Лев согласился. Марина принесла сухую футболку, затем помогла найти документы. В комнате лежал его рюкзак. Внутри, нетронутые с прошлого вечера, оставались все нотные страницы.

Перед выходом он открыл разговор с организатором. До шести было ещё далеко.

«Я не смогу. Простите, что подвёл».

Он отправил сообщение и убрал телефон, не дожидаясь ответа.

Глава 7. Без репетиции

Наталья пустила их в служебную комнату на первом этаже.

— Наверх не пойдём, — сказала она. — И никаких инструментов.

Денис кивнул. Ключ от репетиционной комнаты она оставила у себя. Из-за закрытой двери малого зала доносились шаги: работник расставлял стулья к чужому завтрашнему занятию. Эти звуки раздражали Дениса своей обычностью, хотя именно из-за других людей в здании он согласился встретиться здесь. После Львиной записи отправляться по квартирам и оставаться наедине с тем, что происходит, ему больше не хотелось.

Олег пришёл вместе с Майей. Поздоровался с Натальей, назвал себя. Она посмотрела на Дениса.

— Он с нами?

— Я попросил помочь с нотами.

— Я спросила не про ноты.

— Да, — сказал Денис. — С нами.

В комнате стоял длинный стол, два шкафа и электрический чайник, под которым побелела поверхность подноса. Стульев оказалось мало. Денис сходил за двумя в малый зал, спросив у работника разрешения. Когда вернулся, Сергей уже сидел у окна, держа между коленями свою папку.

Светлана пришла без термоса. Надежда — с пакетом из магазина, поставила его под стул. Евгений появился последним, извинился за задержку. На этот раз объяснять маршрут не стал.

Павел сообщил, что забирает Тасю после обследования и сегодня они останутся дома. Лев находился на повторном осмотре; видео отправил Денису, разрешил показать остальным и попросил не выкладывать никуда. Валерия отказалась приезжать ещё днём, но согласилась поговорить по телефону. Денис написал, что позвонит, когда соберутся.

Никто не открывал нот.

— Я хочу сначала показать… — начал Денис.

— Подожди, — сказал Сергей.

Он вынул свою партию, положил перед собой.

— Я сегодня с работы раньше ушёл. Сказал, что плохо себя чувствую. Мне предложили человека, который отвезёт домой. Я отказался. Знаете почему?

Денис не ответил.

— Потому что не хотел сидеть рядом с человеком и ждать, когда у меня изо рта полезет это.

Сергей провёл пальцем по краю папки.

— В туалете разговаривал сам с собой. Тихо, чтобы не слышали. Проверял. Нормально. Потом вышел, поздоровался с нашим водителем — и сказал ему женским голосом: «И суббота?»

Он посмотрел на Дениса.

— Чья это была суббота?

— Валерия спросила вчера, — сказала Светлана.

— Я помню. Я тебя спрашиваю: что мне водителю объяснять?

Денис опустил глаза.

— Я не знаю.

— А мне надо знать.

Сергей вынул последний лист из партии. Разорвал пополам. Звук был сухим, почти деловым. Он сложил половинки, разорвал ещё раз.

Надежда подняла пакет из-под стула, чтобы отодвинуть подальше от падающих обрывков, затем сама посмотрела на своё движение и поставила обратно.

— Сергей, — начала Светлана.

— Что?

— Ты думаешь, это поможет?

— Нет. Я думаю, что больше не хочу это носить.

Он собрал обрывки, сунул в боковой карман папки. Остальные листы оставил целыми.

Денис смотрел на место, где только что лежало его окончание. Он помнил, как радовался распечатанным страницам. Сейчас эта радость казалась постыднее ошибки, хотя отказаться от неё задним числом всё равно было невозможно.

— Я не собираюсь просить вас снова петь, — сказал он.

— Сегодня? — уточнил Сергей.

Денис поднял голову.

— Сегодня.

Сергей кивнул.

— Хоть честно.

* * *

Они посмотрели запись один раз, с Денисова телефона.

Наталья придвинула стул. Олег стоял за ней, чтобы видеть экран, но не нависать над сидящими. Майя сначала отвела глаза, потом заставила себя смотреть. Когда Лев вернулся в комнату за телефоном, Светлана тихо сказала: «Не ходи». Никто не ответил.

На словах «Добрый день» Надежда закрыла лицо ладонью.

Денис остановил видео до приезда помощи. Остальное он уже пересказал по сообщениям Льва: боль, вода из собственного рта, повторное обращение к врачам. На последних минутах записи в неподвижном кадре оставался пустой край стола.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.